

ФИЛОСОФИЯ

О ПРИРОДЕ И СОДЕРЖАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

с 2008 г. И.В. Фролов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

frol120@mail.ru

Поступила в редакцию

В статье рассматриваются проблемы природы социальных ценностей. На основе анализа традиционных хозяйственно-экономических ценностей русской цивилизации раскрывается социальная объективность системы социальных ценностей, ее роль как важнейшего компонента социального целого. Обосновывается необходимость изучения данной системы для адекватного понимания своеобразия исторического развития России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ценности, социальные ценности, понимание, своеобразие, историческое развитие

Фактическая неудача «большого скачка» России в капитализм на исходе XX столетия, низкая эффективность экономических, политических и прочих реформ, проводимых в соответствии с западными моделями, настоятельно ставят перед отечественной социальной философией важнейший вопрос – что есть Россия, каковы ее место и роль в мировом историческом процессе, каковы ее перспективы на будущее.

Надо признать, что и сегодня, как и полтора века назад, злободневен вывод, сделанный Н.В. Гоголем: «Велико незнание России посреди России». Одни исследователи относят ее к Западу, другие – помещают между Западом и Востоком, третьи – считают особой цивилизацией. Такое положение дел объясняется, конечно же, чрезвычайной сложностью проблемы специфики России, но, не в последнюю очередь, и определенной «методологической растерянностью», царящей в большинстве социально-гуманитарных наук в связи с кризисом марксистской методологии и переоценкой ценностей исторического и социального познания.

Одним из основных недостатков марксистской методологии являлась попытка объяснения мирового исторического процесса, а также и исторического пути той или иной конкретной страны при помощи исключительно макросоциологических категорий (формация, класс, и т.п.), выработанных к тому же на западноевропейском материале. Упор на общем, закономерном в истории народов, приводил к игнорированию специфики их национального развития, понимаемой в рамках данного подхода лишь как отклонение от

магистрального пути, не имеющее самостоятельного значения. Рассмотрение истории исключительно сквозь призму действия объективных факторов, оборачивалось недооценкой субъективной, человеческой стороны исторического процесса, превращало действующего в истории индивида из творца общественных отношений в их безликую функцию.

Сегодня необходимы новые методологические подходы, которые позволили бы глубже оценить не только своеобразие исторического прошлого России, но и реалии ее сегодняшнего бытия. Одним из таких подходов является изучение социальных ценностей русского народа. Под социальными ценностями понимаются те ценности, которые выступают регуляторами взаимодействия людей в обществе. Среди них можно выделить наиболее значимые ценности: экономико-трудовые - определяющие цели и смыслы хозяйственной деятельности; политические - задающие цели и пределы использования власти; нравственные - детерминирующие формы взаимоотношений людей, их связей друг с другом и с обществом.

Выступая основой ценностно-нормативного механизма социальной регуляции, социальные ценности являются важнейшим элементом национальной социокультурной системы. В них выражаются существующие общественные отношения, которые принимают в глазах людей данного общества форму отношения к миру или, другими словами, характер социальной жизнедеятельности субъектов в конкретных природных и исторических условиях отражается обратно в их сознании в виде определенном образом значащих предметов и явлений. В результате, например, окружающая человека природа может принимать образ враждебной или, наоборот, дружественной силы, а общественная жизнь восприниматься либо как арена борьбы «всех против всех», либо как общинное житие, в рамках которого окружающие готовы прийти на помощь друг другу.

Социальные ценности не следует отождествлять с субъективной оценкой как проявлением ценностного сознания того или иного конкретного субъекта. Они имеют социально-объективный характер и не могут быть сведены к ценностным ориентациям индивидов и социальных групп, ментальностям сознания и прочим психическим образованиям, изучаемым социологией, социальной психологией и другими конкретными науками.

Для решения вышеназванной задачи в качестве объекта изучения необходимо выделить такие образования, которые выражали бы не просто субъективное в человеке, а его человеческую определенность, специфику и общества, и личности в их неразрывном единстве.

Поскольку человек погружен в систему социальных отношений, понять его специфику можно только через анализ этих отношений. Человек и общество — это не две

рядоположенные сущности, а неразрывно связанные между собой проявления общей природы, общего начала. Люди в своей эмпирической данности образуют общество, но общество не сводится к совокупности эмпирических индивидов. Общество есть нечто большее, оно — целостная живая система, развивающаяся по собственным законам. Свойства общества не могут быть выведены из свойств отдельных индивидов, его образующих.

С другой стороны, для понимания специфики общества, его качественной определенности в те или иные исторические периоды жизненно важно изучение личностей, живущих и действующих в данных исторических обстоятельствах.

С нашей точки зрения, наиболее удачное определение связи, соединяющей общество и человека, принадлежит В.С.Соловьеву, который выдвинул и обосновал тезис о том, что человек есть существо лично-общественное. В этой формуле гармонически уравниваются два принципа: принцип индивидуальности, в силу которого каждая личность есть «экзистенциальный центр мира», и принцип социальности, фиксирующий обусловленность человека факторами социального порядка. В.С.Соловьев противопоставляет свой подход «отвлеченному субъективизму», который ведет к неверному, одностороннему истолкованию человека и общества. Выдающийся русский мыслитель выделяет две разновидности такого субъективизма. Одна заключается в недооценке, а то и в игнорировании социальной среды. Приверженцев такой трактовки он именует «гипнотиками индивидуализма». Их противоположность — «гипнотики коллективизма». Они растворяют человека в обществе, превращают его в безличный винтик социального механизма. Свою собственную точку зрения В.С.Соловьев выражает в афористически звучащем положении: «Общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное общество» [1, 65].

С нашей точки зрения, выражением лично-общественной определенности человека являются его социальные ценности.

Ценности в широком понимании – это то, что значимо или дорого для человека. В процессе жизни человека формируется сложная иерархия ценностей, проявляющая себя как реальная сила, которая побуждает человека к действию, служит главным регулятором его внешних и внутренних психических реакций, душевных движений и поступков.

В отличие от других человеческих качеств, ценности в динамике их становления, развития и реализации составляют «ядро» личностной определенности человека, конституируют его как личность. Они представляют собой нечто непосредственно данное каждому человеку, являясь именно личностными, глубинными его признаками. Каковы ценности, которым подчинил свою жизнь человек, таков и он сам, таковы его сущностные

качества, которые он проявляет в своей жизни. Ценности характеризуют человека не как некое константное существо с суммой человеческих качеств, а как существо динамическое, противоречивое, причем не просто претерпевающее изменения в ответ на некие требования внешних условий, но в себе самом имеющее главную причину этих изменений. Иначе говоря, они характеризуют человека как живую реальность.

Личность, с присущей ей системой ведущих ценностей, и общественные отношения представляют два взаимопроникающих полюса единого социального целого, качества которых определяют сущность их отношений, а каждая из сторон оказывает влияние на «свое другое». Ценности личности, то, что для нее значимо и свято, что определяет ее поступки и траекторию жизни в целом, представляют собой своеобразную фундаментальную форму существования общественных отношений в структуре личности, а личность предстает субъектом и творцом этих отношений. Изменяя себя в ходе своей деятельности, люди изменяют тем самым и само общество.

Во внутренней структуре личности, тем самым, выявляется социальная объективность, а в развитии общественных отношений - человеческая активность. Поскольку изменение общественных отношений и изменение самих субъектов этих отношений в ходе сознательной деятельности является процессом целостным, его необходимо также целостно представлять и в научном анализе, а не ограничивать его рассмотрением только одной из сторон.

Тем самым, изучение социальных ценностей не только не означает отказа от исследования объективных процессов и факторов, а, напротив, предполагает такое исследование. Речь идет о выявлении «человеческого» смысла данных процессов, в результате чего они получают человеческое измерение, а история обретает многомерную целостность.

Система национальных социальных ценностей, будучи неотъемлемой частью социокультурного целого, не может быть адекватно понята в своей сущностной специфике сама из себя, без обращения к реальной жизни данного целого, без раскрытия его фундаментальных свойств, которые и находят свое воплощение в специфической структуре этой системы и смысловом содержании входящих в нее элементов.

Содержание русских социальных ценностей многие авторы пытаются раскрыть на основе анализа русской литературы, православной религии или философии, без обращения к тем реальным общественным связям и отношениям, которые находили свое воплощение в данных ценностях и, в свою очередь, регулировались ими. При таком подходе не учитывается зависимость систематизированного общественного сознания от социальных ценностей как объективированных форм сознания, выросших из повседневной практики

широких народных масс. Именно данные формы являются мыслительным материалом и смысловым горизонтом систематизированного общественного сознания, например, религии или философии, которые выражают их на своем уровне, не выходя при этом за рамки заложенного в этих формах смысла. Поясним сказанное на примере русских хозяйственно-экономических ценностей.

Так, О.А. Платонов в книге «Русская цивилизация» выделяет ряд принципов, на основе которых строилось русское хозяйство. В частности, им отмечается самодостаточность, самоограничение, нестяжательство, отрицательное отношение к деньгам и богатству и т.п. При этом остается не ясным – в чем причина возникновения и существования у русского народа подобных хозяйственных принципов? Лишь из контекста можно заключить, что такой причиной автор считает влияние русского православия.

Он пишет: «Домостроительство в понимании русского человека — наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской науке домостроительства — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный, нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию». И далее: «Главная идея «Домостроя» - замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), живущее по православным нравственным нормам» [2, 76].

Из сказанного можно сделать вывод, что русский крестьянин, руководствуясь православными нравственными нормами, осознано выбирал скромный достаток, ограничивая свое потребление и отвергая погоню за прибылью, хотя мог бы, очевидно, поступать и противоположным образом. Помимо идеализации крестьянского сознания, автор явно преувеличивает его роль в объективных хозяйственных процессах.

В социальной действительности ценностно-смысловые формы сознания проявляют себя как реальная сила, которая побуждает человека к действию, служит главным регулятором его внешних и внутренних психических реакций, душевных движений и поступков. Через их призму он осмысливает и переживает свой личностный опыт, осознает то, что движет его поступками, но не идет дальше видимых мотивов и не проникает размышлением в реальные причины их возникновения. Социальные ценности, регулирующие объективные процессы хозяйственной деятельности, внешним образом выражаются здесь в форме религиозных заповедей, норм и запретов. Эта внутренняя детерминация социальной жизнедеятельности предстает как «свое другое» ее внешней детерминации со стороны реальной системы деятельностей и общественных отношений.

Сказанное вовсе не ставит под сомнение искреннюю православную веру русского крестьянина. Речь идет о необходимости раскрытия специфики русской системы хозяйственной деятельности, ее глубинных внутренних основах.

Есть все основания говорить о самобытной модели русской экономики, существовавшей с первого тысячелетия вплоть до середины XIX века, а в усеченном виде и до начала XX века, которая коренным образом отличалась от западной. Данная модель может быть представлена как устойчивая система хозяйственных ценностей, на основе которых в течение столетий сформировался своеобразный национальный тип хозяйственного поведения.

Большое значение для понимания специфики русских хозяйственных ценностей имеют работы замечательного отечественного экономиста А.В.Чаянова. В них он приходит к крайне важному для нашей темы выводу о том, что не все реально существующие производственные уклады можно описать в категориях классической политической экономии. Он пишет: «В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада. Основы нашей теории — учение об абсолютной земельной ренте, капитале, цене, а также прочие народнохозяйственные категории — сформулированы лишь в приложении к экономическому укладу, который зиждется на наемном труде и ставит своей задачей получение максимального чистого дохода...». В других экономических укладах, в частности, в «условиях крепостнически-феодальных, в условиях крестьянско-ремесленных стран и, наконец, в условиях чисто натурального быта», эти и другие категории классической политэкономии попросту не работают [3, 230].

Причина этого кроется в том, что политэкономическая теория, начиная от Д. Рикардо, строилась преимущественно дедуктивно, исходя из мотивации и методов хозяйственного расчета «человека экономического», работающего в качестве капиталиста-предпринимателя, строящего свое хозяйство на использовании наемного труда и стремящегося получить максимальную прибыль. Существующее в России трудовое крестьянское хозяйство, не вписывалось в данную теорию, поскольку мотивация хозяйственной деятельности крестьянина была разительно не похожа на мотивацию предпринимателя.

Для понимания основ и природы крестьянского хозяйства, подчеркивает А. Чаянов, необходимо не втискивать его в рамки чуждых ему понятий и категорий, а взглянуть на него «изнутри», превратить его «из объекта наблюдения в субъект, творящий свое бытие, и ... уяснить те внутренние соображения и причины, по которым слагает оно организационный план своего производства и осуществляет его в жизни» [3, 283]. Тем самым, речь идет о необходимости понимания специфики русских хозяйственных ценностей, лежащих в основе

трудовой мотивации крестьянина.

Основное отличие русского крестьянского хозяйства от хозяйства капиталистического заключалось в трудовом характере его деятельности. Русский крестьянин, не использующий наемный труд, мог в своей хозяйственной деятельности рассчитывать на рабочую силу только себя самого и членов своей семьи, что ставило объективный предел его желанию увеличить объем производства. В то время как размеры капиталистического хозяйства, строящегося на труде наемных работников, практически безграничны и зависят лишь от размера имеющегося капитала, объем трудового хозяйства определялся соотношением между потребительскими запросами семьи и теми затратами рабочей силы, которые она могла истратить на их удовлетворение. Чем сильнее было давление потребностей семьи, тем большую энергию вынужден был развивать крестьянин, его жена и дети, тем выше оказывалась мера их самоэксплуатации. В результате, здесь складывается совершенно другое понимание выгоды тех или иных трудовых действий и их объема, чем в капиталистическом хозяйстве. Для объяснения своеобразия крестьянского понимания выгоды, А. Чаянов вводит понятие трудопотребительского баланса семьи, которое подвергалось резкой критике многими экономистами за «субъективность», вносимую им в полиэкономическую науку.

Суть данного баланса состояла в следующем. Трудовая хозяйственная деятельность, как отмечал А.Чаянов, отличается от всякой другой деятельности тем, что количество ценности, поступающее при ней в обладание хозяйствующего человека, находится в соответствии с количеством затрачиваемого им физического труда. Затрата же физической энергии для человеческого организма вовсе не беспредельна. Каждая затрата энергии требует волевого усилия, и чем большее количество работы реализуется человеком в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда.

С другой стороны, субъективная оценка ценности, добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности для хозяйствующей семьи. А так как предельная полезность понижается по мере роста общей суммы ценностей, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте повышающегося трудового дохода наступает момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой этим трудом суммы. На этой точке естественного равновесия, и остается продукция работника в трудовом хозяйстве, так как всякое дальнейшее увеличение затраты труда будет уже субъективно невыгодным.

Таким образом, делает вывод А. Чаянов, всякое трудовое хозяйство имеет естествен-

ный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда семьи со степенью удовлетворения ее потребностей [3, 244].

Объема затрат труда, который крестьянин мог истратить на удовлетворение потребностей своей семьи, в течение столетий хватало лишь на то, чтобы, в лучшем случае, сводить концы с концами, но чаще всего его трудопотребительский баланс был отрицательным, т.е. затраты труда не покрывали даже самых насущных потребностей. Постоянное недоедание и голод сопровождали русского крестьянина на протяжении всей его истории. Причина этого кроется вовсе не в пресловутой лени русского мужика, как утверждают некоторые западные и отечественные авторы, а в объективных условиях его хозяйствования.

Важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части России всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября) или примерно 100 рабочих дней, не считая сенокоса и обмолота снопов. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь.

Такая чрезвычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугублялась преобладанием малоплодородных почв, не идущих ни в какое сравнение по плодородию с почвами Запада. В таких условиях для получения минимального урожая необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако трудовое крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь необычайно краткие сроки сельскохозяйственных работ.

Еще более усугубляло и без того тяжелую ситуацию отсутствие достаточного времени для обязательной заготовки корма для скота, минимальные объемы которого намного превышали подобные заготовки в Европе и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных. Если в Европе период стойлового содержания скота не превышал 100 дней, то в России он был примерно в два раза больше [4, 555-560].

Отсюда необходимость для российского крестьянина неимоверно высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения до предела своего рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Следствием этого была низкая урожайность и крайне низкий, в конечном счете, объем получаемого крестьянином продукта. Но даже и этого объема он не получал в свое полное распоряжение, поскольку значительная часть его изымалась помещиком и самодержавным государством.

Как свидетельствует вышесказанное, такие трудовые ценности русского крестьянства,

как самообеспечение, самоограничение, «нестяжательство» и т.п., коренились в реальных связях и отношениях экономической деятельности в конкретных природных и исторических условиях России. Другое дело, что эти объективные экономические ценности могли получать и получали религиозную форму выражения в виде норм православной трудовой этики, в свою очередь воздействующих на реальную хозяйственную практику. Но, такое воздействие не следует преувеличивать, а, тем более, абсолютизировать. Как верно замечает А. Чайнов, мы «склонны полагать, что каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций «Ойл Шелл Компани», если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом. А в этих обстоятельствах ей приходится отказываться не только от акций и граммофона, но подчас и от говядины. Нам думается, что если бы Ротшильд при социальной революции в Европе сбежал бы в какую-нибудь сельскохозяйственную страну и вынужден был бы заняться крестьянским трудом, то при всей своей буржуазной приобретательской психологии он оказался бы послушным правилам поведения, установленным организационно-производственной школой» [3, 209].

Таким образом, понимание и объяснение реальных исторических процессов должны дополнять друг друга. Объяснение базируется на понимании человеческой мотивации, ведущую роль в которой играют ценности, составляющие важнейшие элементы внутренней структуры личности, и определяющие устойчивую направленность ее потребностей и интересов. Как нам представляется, сила мотивационного воздействия той или иной ценности зависит от ощущения ее взаимосвязи с реальными потребностями. Если витальные потребности даны человеку от природы, то способы их удовлетворения зависят от набора материальных ценностей, имеющихся в обществе, но главное - от развитых в процессе воспитания социальных потребностей. Опосредующим звеном между потребностями и ценностями являются интересы, концентрирующие внимание человека на определенной области духовно-практической деятельности.

Подводя итог, необходимо отметить, что по отношению к конкретному народу его социальные ценности суть аксиологическое выражение его сущностных сил, то есть, тех интегральных качеств, которые необходимы и достаточны для выражения сущностной специфики данной социальной целостности. Они имеют не меньшее значение для познания исторического процесса, чем изучение его объективных законов. Понимание ведущих жизненных ценностей того или иного социума позволяет установить его собственную траекторию движения в истории, осознать специфику его самобытного пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892 с.
2. Платонов О.А. Русская цивилизация. М.: Роман-газета, 1995. 224 с.
3. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 456 с.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 574 с.